

Черт его знает, где живет поэзия, под какой корягой,
Когда говорят «ее здесь нет» - она точно там.
«Я был младше и ставил мир по местам» - спел как-то один бродяга,
И уехал в Тибет, а мир так и стоит по местам:
Стоят поезда, отошедшие от станций на четверть мили,
То есть меньше километра, по фаренгейту ртуть,
Числительные покрываются неисчислимой пылью,
И только свист из-под коряги может ее раздуть.
Нам все объяснят, когда отгремит светозарное вече,
И будут колоть слова из проповеди на плече:
«Это не рачий свист, это голос твой человеческий».
Вранье. Никто не знает, где она и зачем.

Бай бай гнездышко
я улетаю сквозь
перья холодной ночи
За Лабрадором последний остров перед Атлантикой
На выходе в открытый океан
Остров
Иссеченный шхерами
С маленьким поселком
Он светит огнями в ночь
Маленький поселок
С названием paradize
Бай бай гнездышко
Этот ветер за окнами
Несется 985 километров в час
Нет бы еще немного
Теперь только огни кораблей
За Галифаксом
Северный ветер
Всюду живут люди
Всюду живут люди
Мер дю Лабрадор
Терра нова
Качает мою птичку качает

Ну и вот
Ground speed 1030
Мы быстрее ветра
Две тысячи миль
Ряби
И ледяной пучины
Мелькнули под нами
Бай бай гнездышко
Я уже
Над Ливерпулем
Paradize
Ты должно быть скучаешь
В ночи холодной -
Ох надуло вам ночь!
А мы купаемся в утре,
Восьмерка времени
Скользит по земле,
Мы у талии осиной
Бай бай paradaiz
Выпускаем шасси
Идем по глиссаде
Гнездышко, прием

Очень недалеко отсюда (в масштабах будущих раскопок),
В пределах одного полиса, ареала, культурного слоя
Я родился и вырос, одевался в джинсу и хлопок,
И был знаком с человеком, назвавшим сей город Троей.

Я даже был знаком с Приамом и Еленой, если вам что-то
Говорят эти имена. Все было давно и неправда.
Кроты съели деревяшки, потускнели фото,
Переврали строки столь чтимого вами барда.

Тут была своя жизнь, житуха. До моря гораздо ближе,
Чем сейчас (потом у вас), короче море било в ворота.
Большинство девушек были черными или рыжими,
Как солнце, как смоль, выбирай хочешь кого ты.

Никакой войны, никакого мордобоя. Мы делали любовь, брат,
Хотя кто вспомнит про любовь без кровянки? Одни медведи.
Вот и лирник крутил свою шарманку на двадцать ватт,
Подбивал бабки на трагедию.

Честно говоря, мы не слушали его. Совсем.
Мало ли какой античный пес воет под луною.
Он стал нам как фоновая музыка. Музыкальный посев.
О войне все воет и воет.

И когда однажды утром какой-то идиот
Действительно привел сюда корабли, причем без шмали,
Мы не успели даже добежать до ворот.
Поэтому вы нас здесь и откопали.

Наверное, у вас теперь печаль. Не пойми чего.
То ли шлем, то ли щит, то ли каменно говно.
Каждый защищает землю от врага своего,
А воздуху и морю все равно.

О смерти Светланы Аллилуевой

Уходит эпоха, в цветах и в бронзе, в грязи и в крови,
Не оборачивается ни волком ни птицей, как ее ни зови,
Уже и запахи поменялись, и ход небесных светил...
Уходит эпоха - не важно, кто ее отпустил.

Оставь ключи у консьержки, когда уйдешь.
Дом на набережной равнодушен к своим жильцам.
На фамильных гербах облупился серп и ржавеет рожь.
Всем хватило места - героям и подлецам.

По злым ступеням к ангелам и цветам -
В добрый путь, Светлана. Мы свидимся где-то там,
Где нет имен, отцов, матерей,
Красных ковров, телевидения, лагерей,

Там нет даже крика, как теперь ни кричи,
Человечий язык поставят тебе в вину.
Эпоха ушла. И выбросила ключи -
Поселок с собаками, воющими на луну.

(Примечание, которое тут нужно: говорят, в поселке «Ключи» на Камчатке, при Институте вулканологии, до сих пор живет дочь Светланы Аллилуевой. Затворница, отрекшаяся от матери, общается только со своими собаками – не с людьми. Верно ли, не знаю. Писали в газетах.)

Вот мелькают с дороги пустые поля,
Вот я еду к тебе, эту землю деля
На два полюса, два расстоянья.
Между небом и нёбом застыли слова,
И дорога - как спущенная тетива:
Дребезжанье за свистом желанья.

Через тысячи дней, через их оселки
Мы живем, чтоб со свистом сорваться с руки,
Полоснуть очарованным блеском -
Или мчаться, о промахе сладко трубя...
Пусть отправлена эта стрела не в тебя,
Ты отравленным жалом не брезгуй.

Неживая природа любви и тепла –
Остывает под веком сетчатая мгла,
И аксоны как дерева корни
Рыщут в наших фантазиях, чтобы сплестись
И сплести наши руки, и выбросит жизнь
По полям от распутицы черным.

Как стрела режет воздух, как выкинуть нож,
Так я еду к тебе, но пока узнаешь
Этот ветер, упругий для речи,
Застывая на миг на крутом вираже,
За головокруженьем не вспомнишь уже,
Для кого там назначена встреча.

Встречаются на углу
Человек и шальная пуля.
- Довольно я пошалила -
Говорит ему пуля, –
Пора и честь знать,
И плоти отведать.
- Не спеши, шалунья,
Погоди немного,
Повиси на месте!
Расскажи, что видала,
В каких краях бывала!
- Что ж,
Ладно, насвищу,
Пока
На тебя не смотрят.
Видала я деда твоего
И отца видала,
За взрывом пороховым
Многое позабыла,
Но помню весь твой род
Длинной чередою,
Все тени да тени,
Чем дальше, тем длиннее.
- А сына моего
Не встречала по дороге?
- Сына не видала,
Сына пропустила.
- Вот и славно, шалунья,
За то спасибо.
Лети куда летела,
Делай свое дело,
Бестолковая пуля,
Будь как дома
Во мне.

Тридцать лет назад я написал письмо. Заклеил конверт.
Подписал адрес - мол, почтальон найдет.
Теперь такого города нет. Адресата нет.
А письмо все идет.

Когда мы отправляем признания в не-любви,
Распоряжаться прошлым начинает кто-то другой.
Давай, попроси его. Отмени. Отзови.
Но он сюда ни ногой.

Погашены марки штампом. Погашены времена.
Семь раз сменилась кожа у тех, кто еще живет.
Сменили цвет небеса, сменила имя страна.
А письмо все идет.

И что останется здесь, когда прорастет трава,
Не важно, в ад или в рай?
Размытые парой слез бессмысленные слова.
Пожалуйста, не открывай.

В Индии полнолуние чувствуется сильнее,
Чем в России, хоть те же 28 дней,
Но кроваво-красная сквозь баньян
Поднимается эта хрень к ебням.
И я сажусь за компьютер, молясь Ганеше и Шиве,
Чтобы интернет не упал, чтобы свет мне не потушили,
Отправить весточку в путешествие к чуду
«Я услышал (услышала)» «Я не забуду».
Это называется стихи писать. Не знаю,
Дополнительная тема для них, или сквозная,
И вообще, рассчитано все на какого адресата?
Бородат этот анекдот. А жизнь полосата.

«Не ходи к баньяну со своим баяном!» -
Так кричат обезьяны в воздухе пряном,
Птицы кувыркаются в собственном щебетанье,
И совсем не чувствуется Европы, даже Британии.
Умирать в таких местах исключительно жалко,
Месяцами не ломается даже китайская зажигалка,
Хотя собаки местные плешивы, повально вшивы
(Опять бы срифмовал с Шивой, не почеси вы),
Предметы и малые братья безгибельности алкают,
А, может быть, просто смерти не потекают,
Ведь, в сущности, даже скутер должен давно сломаться,
А все заводится, сука. То есть можно кататься.

Говорят, вообще в Индии не надо все наше «надо»,
Хотя пляжи завалены европейским адом,
Но он бродит по броду, орет и мычет,
Заноса в свою природу пробел и вычет:
Ему и полнолуние - красное с перебором
(Кстати, на луне совсем не такие горы!),
И слишком много соли на волнах снулых,
И кожа слезает, и перец горит на скулах,
То есть такое вот зимнее лето.
А смерть и бессмертие тут же, где-то
Гремят, как горошины в теле хрупком,
И гашиш не погас в деревянной трубке.

Может, вывезет кривая,
Обойдется без потерь?
Ничего про то не знаю,
Открываю просто дверь.
А звонок – как бесноватый,
И дыханье у замка...
Может, там стоят солдаты
Из расстрельного полка,
Или ждет повестка сдохнуть
От какой-нибудь херни,
Охуеть, откинуть, охнуть,
Лишь собачку потяни.
Но возможно же другое –
Не законник и не тать,
А настолько дорогое,
Что боюсь и угадать,
Жизнь секундами измерить,
Подойдя на самый край...
Будет каждому по вере.
Открывай.

Потерянное поколение в тылу как в плену
Потерянное поколение находит себе войну

Потерянное поколение себе охотник и зверь
Потерянное поколение, рожденное для потерь

Потерянное поколение, сожженные города
Потерянное повторение, что можно жить как всегда

Потерянное поколение – кто прольет так легко
Кровь на алтарь самомнения политиков и пошляков?

Потерянное поколение, жажду зла утоли
Потерянное поколение, вечный корм для земли

Пробоины в будущем времени, но воздух не выйдет весь
Потерянное поколение
Находится здесь

...А то, что дух «дышит где хочет», это нам укор,
Глядящим в звездное небо из каменных нор,
Знающим как надо любить, как страдать,
Не знающим только как умирать, где тут «ать!».
Так иди оно севером, простодушным дружкой снегов
Преднамеренность наших друзей, случайность врагов,
Необычайность буднего дня на закатной волне,
Иди оно севером, иди по кругу, давай ко мне,
Блеск и боль, сладкая соль бытия за щекой,
Щепой нас несет, шелухой от праздника на покой,
И не взорвется больше запахами путь ледяной...
Побудь со мной, подыши со мной.

Жил да был, лески из дрянного капрона рвал,
Рыб ловил на крючок с кроваво-красным червем,
Из черной жирной земли его доставал,
Плевал, камлал, забрасывал в водоем -
То есть жил как бог, повелитель животного букваря,
Мечтая сам о куске смолы, если перевести на земной -
Чтобы плевать на прошлое из своего янтаря,
Чтобы вечно светиться для будущего под волной.

Плыви против течения любым стилем.
Не потому что первый.
Не потому что сильный.
Не потому что такой закон у водоворота.
Плыви, гребни сильнее. Давай, работай.

Плыви, даже если ты не умеешь плавать.
Не потому что верный.
Плывать что слабый.
Не продлевай реке торжество веками.
Шевели ногами. Гребни руками.

В этом нет смысла, но много толка.
Проплыть свое время, а не прощелкать.
Дальше посмотрим. За поворотом.
Не бойся выглядеть идиотом.

Плыви против течения сбив дышалку.
С остервенением бей баклуши.
Всем потонувшим себя было жалко.
Доберешься до берега – станет суше.

Согласно теории поля, наша вселенная нестабильна,
То есть она вроде как пузырек от капли дождя.
А взрослые люди сидят и говорят о стабильности,
Которую они нам подарят, если мы будем слушаться.
Сумасшедшие люди, сумасшедшие разговоры.

Хлоп! Вот умер один, и вселенная свернулась.
Хлоп! Вот умер другой, и еще одна гибель миров.
Хлоп! Хлоп! Хлоп! Не слушайся их, беги босиком!
Сумасшедшие люди после дождя,
Кого они хотят обмануть?

Прости, что я всего двоичный код,
Семнадцать миллиардов «да» и «нет»,
А на земле идет за родом род,
И пьет за обитаемость планет.

Утрачена тактильность бытия,
Потеряна мучительная боль.
Прости мне то, что я уже не я.
Прими в расчет деление на ноль.

Зачем в несуществующей груди
Беречь дыхание? Это западня.
Сотри ее. По скрину проведи.
Твой палец в миллиметре от меня.

Наш век уходит, и очаг наш стынет.
Хоть стань святым, хоть оскверняй святыни –
В эпоху потребления глаголов
Ты просто врешь о чем-то в микрофон.

Не потому, что слово - это ложь.
Не потому, что слабо ты поешь.
Но воздух не засеян тишиной -
И пыльно в речи, как перед войной.

Я спел бы тем, кто вырвется из круга,
Вернувшем слову семена огня.
Но мы врагами будем друг для друга,
И тишина – из горла у меня.